

А.Е. ПУЗДРОВСКИЙ, Г.В. МЕДВЕДЕВ

ПОГРЕБЕНИЯ I-II ВВ. Н.Э. ИЗ УСТЬ-АЛЬМИНСКОГО НЕКРОПОЛЯ

Проблема взаимоотношений сарматов и поздних скифов Крыма в I-II вв. н.э. активно обсуждается в работах последних лет¹. Ее решение во многом зависит от определения относительной и абсолютной хронологии археологических комплексов. Предлагаемая публикация материалов нескольких погребений из раскопок Усть-Альминского некрополя позволяет расширить такой круг источников.

В 2003 г. во время охранных исследований в северо-восточной части памятника (раскоп № 8) на площади 5 м² обнаружено несколько погребальных сооружений, стратиграфия и хронология которых представляет определенный интерес. Следует отметить общую высокую плотность могил в этой части некрополя, прилегающей к устью балки, и особые геологические условия – наличие мощного (до 3 м) слоя делювиального суглинка, что способствовало сооружению грунтовых склепов и могил с каменным перекрытием и закладами.

Первоначально здесь была сооружена подбойная могила 826, в которой прослежены многократные захоронения (погребения 3-4 и 5-6) в два яруса (разграбленные в древности). Затем, к югу от нее, устроили подбойную могилу № 826а, основное захоронение которой (погребение 1) было совершено над камерой могилы 826 (в то время еще с целым сводом). Впускное погребение 2 (во входной яме могилы 826а) прослежено на уровне верхней части заклада погребальной камеры (рис. 1).

Могила 826а. Подбойная. Входная яма трапезиевидной формы, с закругленными углами, размером 1,6х0,4-0,6 м. прослежена на глубину 0,9-1,1 м, ориентирована по линии ССЗ-ЮЮВ, дно ее имеет наклон в сторону подбоя, плавно переходя в камеру, отделенную закладом из стоящих вертикально (с небольшим наклоном к востоку) известняковых плит высотой 0,6 м. Подбой (1,5х0,35-0,4 м) вырублен в северной и северо-западной стенке входной ямы и смещен на 0,4 м к северу от ее длинной оси, дно имеет наклон к северу и востоку (рис. 1, 2).

Погребение 1 (рис. 2). В камере было совершено захоронение девочки-подростка в деревянном гробу размером 1,3х0,3 м. Обнаружены фрагменты железных гвоздей (рис. 2.15; 3.6). Умершая лежала в вытянутом положении, головой на ЮЮВ, кисть правой руки прижата к тазу, кисть левой – на тазовых костях, ноги сближены. Почти по всей площади гроба, под костяком, зафиксирована подстилка из камки (рис. 2. 14).

У южной стенки гроба зачищен раздавленный стеклянный кувшин (рис. 2.13; 3.7), а по обеим сторонам черепа – бронзовые серьги (рис. 2.1; 3.3). На груди и шее погребенной лежала бронзовая гривна из ложновитой проволоки с крючками на концах (рис. 2.2; 3.1), здесь же обнаружены бусы из гагата, янтаря, стекла и фаянса (рис. 2.3; 3.10-16). На запястьях найдены бронзовые браслеты с окончаниями в виде змеиных головок (рис. 2.6,8; 3.2), рядом с ними - бусы из янтаря, гагата и стекла (рис. 2.4,9). На фалангах кисти левой руки лежал бронзовый перстень со стеклянной вставкой (рис. 2.7; 3.4), у правого бедра - бронзовый гвоздь (рис. 2.10; 3.8). За пределами гроба, в северной части могилы найдены: свинцовое кольцо (рис. 2.12; 3.5) и плошка из ножки красноглиняной амфоры (рис. 2.11; 3.9).

Погребение 2. Совершено в заполнении входной ямы, на уровне 0,4 м от ее дна, спустя определенный промежуток времени после погребения 1 (рис. 1). Не исключено, что при этом контуры первоначальной входной ямы были нарушены. Умерший (юноша?) лежал в вытянутом положении, кисти рук прижаты к туловищу, ноги сближены, головой на СЗ (рис. 4). Среди костей грудной клетки обнаружен крупный железный черешковый трехлопастной наконечник стрелы (рис. 4. I, 1; II, 1). К СЗ от черепа лежал оселок, осколок кремня и обломки железного предмета (рис. 4. I, 2-4; II, 2-4).

Могила 826. Входная яма ориентирована по линии СЗ-ЮВ. Она прямоугольной формы, со

скругленными углами, размеры: 2,2x1,0 м, прослежена на глубину 0,9 м. В подбой, расположенный с юго-западной стороны, вела ступенька высотой 0,9 м. Камера размером 2,5x0,95x0,6 м многократно использовалась для захоронений, в результате чего несколько раз разбирали каменный заклад, а затем восстанавливали. В центральной и СЗ частях он сохранился на всю высоту (0,6-0,7 м), а в ЮВ камни отсутствовали (рис.1), что свидетельствует о древнем ограблении. В подбое было совершено два яруса захоронений, от которых сохранились лишь отдельные кости, позволяющие предполагать направление, в котором лежали умершие, а также часть погребального инвентаря.

Верхний ярус. Погребения 3-4. (рис. 5. I). Совершены на уровне 0,18-0,25 м от дна подбоя. Количество погребенных в этом ярусе определено по костным останкам. Сохранились фрагменты двух черепов, по которым можно сказать, что умершие лежали головами на ЮВ, прослежен слой тлена от подстилки (кошмы). У южного угла могилы стояли краснолаковая тарелка с костью животного и железным ножом (рис. 5. I, 1-3; 6. 1, 3), рядом с ней – краснолаковый канфар (рис. 5. I, 4; 6. 2). В центре камеры обнаружен обломок железного меча (рис. 5. I, 7; 6. 7). Из этого же горизонта происходят обломки бронзовой фибулы с расширенной спинкой и кнопкой на конце приемника (рис. 6, 10). По всей площади подбоя собрано большое количество бус из стекла и фаянса, часть которых была разбита или раздавлена в древности (рис. 5. III, 1-9; 6. 11-14).

Нижний ярус. Погребения 5-6. (рис. 5. II). Костные остатки и погребальный инвентарь залежали на дне камеры. Сохранились фрагменты двух черепов и отдельные кости конечностей, судя по которым умершие лежали головой на СЗ. Среди находок: бронзовая ромбовидная фибула-брошь (рис. 5. II, 1; 6. 9), один целый и обломки бронзовых проволочных браслетов с завязанными концами (рис. 5. II, 2, 3; 6. 4, 5), обойма (рис. 5. II, 3; 6. 6), бронзовый колокольчик (рис. 5. II, 4), фаянсовая подвеска в виде скарабея (рис. 5. II, 5; 6. 15). Из нижнего яруса происходят также: миниатюрная фаянсовая подвеска в виде скарабея (рис. 6. 16), мелкие фрагменты бронзовых и серебряных перстней, стеклянные и фаянсовые бусы, целые и в обломках (рис. 5. III, 10-19).

Рассмотрим наиболее важные для хронологии предметы погребального инвентаря.

Могила 826 а. Погребение 1.

Бронзовая гривна диаметром 17 см из ложновитой проволоки толщиной около 0,5 см с застежкой в виде крючка и петли с фигурной обмоткой (рис. 3, 1). Вопреки мнению о почти полном отсутствии у поздних скифов гривен² в последние 10-15 лет такие украшения в большом количестве найдены в Неаполе, Битаке, Усть-Альме, Перевальном преимущественно в детских и женских захоронениях. Часть альминских экземпляров опубликована³. Большинство гривен сделаны из круглого в сечении бронзового прута диаметром 2,5-3 мм с крючками на концах или завязками, часто на них были нанизаны бусы, пронизи, различные амулеты. Встречены экземпляры из ложновитой серебряной проволоки. Наиболее близки публикуемой гривне украшения из склепа 88 I-II вв. н. э. Усть-Альмы⁴, погребения 63 I в. н. э. из Фанагории (раскопки 1937 г.)⁵, могилы 62 рубежа I-II вв. н.э. из Тирамбы⁶ и других некрополей Боспора⁷.

Богато украшенные пекторали и гривны из золота, а также более простые в оформлении характерны для захоронений сарматской аристократии II в. до н.э. - I в. н.э.

Исходя из вышеизложенного, можно сказать, что у поздних скифов и сарматов ношение гривен (бронза, серебро) было социально престижным, а погребения с ней (женские и детские) отличаются разнообразным инвентарем.

Бронзовые серьги из ложновитой проволоки диаметром 2,2 см с застежкой в виде приостренного крючка и петли (рис. 3. 3). Такие украшения из золота широко известны как в позднескифских могильниках, так и в некрополях античных городов и поселений в комплексах I-II вв. н.э.⁸

Бронзовый перстень с круглой дужкой и плоским овальным щитком, с гнездом и стеклянной вставкой. Это один из наиболее распространенных украшений этого типа в I-II вв. н.э.⁹

Бронзовые браслеты диаметром 6,8 и 7,1 см из овальной в сечении проволоки с расплюснутыми окончаниями ромбовидной формы орнаментированы гравировкой в виде стилизованных голов змей (рис. 3. 6). По классификации А.А. Труханова, они относятся к типу VI-A (II в. н.э.)¹⁰.

Стеклянный кувшинчик с шаровидной формой тулова, коротким, сужающимся книзу горлом, на низком поддоне (рис. 3. 7). Центральная часть дна слегка вогнута. Край венчика оформлен в виде валика, есть фрагменты слива. На горле - три ряда горизонтально-спиральных накладных нитей. Диагонально-спиральные нити опоясывают тулово. Ручка небольшая, овальная в сечении, в нижней части имеется уплощенный выступ. Такие же выступы (есть фрагменты), находились и в районе верхнего прилепа. Стекло прозрачное, бесцветное. Высота сосуда - 11,0 см, диаметр венчика - 6,7 см, наибольшая ширина - 9,5 см, диаметр дна - 4,5 см. Очень близкий по внешним характеристикам, технике исполнения и орнаменту сосуд происходит из пристенного склепа 1013 Херсонеса¹¹. Н.З. Кунина датирует его II в. н.э. и относит к продукции восточно-средиземноморских мастерских¹².

Среди бус, ожерелья и тех, которые были найдены на запястьях рук, преобладают (124 шт.) экземпляры из янтаря (рис. 3. 10) с широкой хронологической датой¹³. Широко распространены (рис. 3. 11-13) также бусы из гагата (50 шт.) и бисер из египетского фаянса (13 шт.). Среди стеклянных бус и пронизей (рис. 3. 14-16) интересны три экземпляра из прозрачного темно-зеленого стекла в виде четырнадцатигранников, датируемые также достаточно широко: II-IV вв. н. э.¹⁴

Погребение 2.

Железный трехлопастной черешковый наконечник стрелы со сводчатой головкой и лопастями, срезанными под прямым углом к черешку (рис. 4. II, 3). Длина головки - 4,8 см, ширина - 2,0 см, сохранившаяся длина черешка - 3,2 см (до 5 см). Такие достаточно крупные наконечники не часто встречаются в позднескифских комплексах и больше характерны для сарматской культуры¹⁵. Хотя сводчатая форма головки и нехарактерна для позднесарматских комплексов¹⁶, тем не менее, общая массивность наконечника и аналогии с набором из склепа 715 Усть-Альмы (первая треть II в. н.э.) позволяют высказать предположение, что такое вооружение появилось в Крыму вместе с новым массивом кочевых племен, связанных по происхождению с Центральной и Средней Азией¹⁷. Характер находки (среди костей грудной клетки) свидетельствует о насильственном характере смерти умершего.

Могила 826. Погребения 3-4.

Краснолаковая тарелка с вертикальным бортиком, на кольцевом поддоне, со слегка отогнутым венчиком. Размеры: диаметр венчика - 15,8 см, дна - 7,2 см, высота - 3,8 см (рис. 6. 1). Лак оранжево-красный, сохранился во фрагментах, на внутренней стороне дна прослежена кольцевая бороздка, в центре, возможно, был штамп. Вероятно, принадлежит к продукции мастерских понтийской сигиллаты¹⁸. Такие тарелки относятся к типу III-Б-1 (по А.А. Труфанову) и датируются в пределах второй половины I - первой половины II в. н.э.¹⁹ Учитывая стратиграфическую ситуацию и внешние характеристики сосуда, считаем возможным датировать публикуемую тарелку в пределах последней четверти I в. н.э.

Краснолаковый канфар с приостренным венчиком, округло-конической формой тулова и двумя петельчатыми ручками с налечами над ними, на кольцевом поддоне (рис. 6. 2). Размеры: диаметр венчика - 8,4 см, диаметр дна - 4,0 см, высота - 7,5 см. Лак покрывает сосуд не полностью, принадлежит к группе керамики понтийской сигиллаты²⁰. Очень близкие аналогии известны в некрополе Усть-Альмы в комплексах второй половины I в. н.э.²¹

Фибула бронзовая с расширенной гладкой спинкой и кнопкой на конце приемника (рис. 6. 10). Размеры: 3,8x1,0x1,2 см. По внешним характеристикам напоминает экземпляр из склепа 77 Восточного некрополя Неаполя Скифского²², близкие аналогии, видимо, не выходят за пределы I в. н.э.²³

Среди стеклянных бус, относящихся к ярусу 3-4, можно отметить экземпляр округло-сжатой формы черного цвета с белой полосой по спирали (рис. 6. 14). Хотя близких аналогий подобрать не удалось, по фактуре и орнаменту пронизь близка бусам II-III вв. н.э.²⁴ и, вероятно, относится к одним из самых поздних находок, либо она попала сюда после обвала свода из более позднего погребения 1 (рис. 1).

Бусина из синего стекла с глазками из сине-белого прутика принадлежит к типу, наиболее встречающемуся в комплексах I в. н.э.²⁵ Обломки фаянсовых ребристых пронизей (рис. 6. 12-13) позволяют отнести их к типам, распространенным преимущественно в I в. н.э.²⁶

Обломок железного клинка (нижняя часть) длиной 12 и шириной 4 см, линзовидный в сечении, относится, вероятнее всего, судя по пропорциям и общей фактуре, к типу мечей с

прямым перекрестием и кольцевым навершием, известному в сарматских воинских погребениях I в. н.э. Усть-Альмы²⁷.

Погребения 5-6.

Бронзовые браслеты из круглой в сечении проволоки в 1,5 оборота с завязанными концами (рис. 6. 4-5) диаметром 5,0 и 6,0 см. Такие украшения особенно характерны для погребений I в. до н.э. - I в. н.э. Во II в. н.э. известны также экземпляры с фигурным оформлением завязки (спираль, волноты)²⁸.

Фибула-брошь бронзовая ромбовидной формы, с завитками на углах, с частично утраченным шарниром и иглой (рис. 6. 9). В центре - рельефный круг со стержнем. Такие фибулы хорошо известны в комплексах второй половины I в. н.э. и позже, как правило, не встречаются²⁹.

Фаянсовая пронизь в форме скарабея бирюзового цвета (рис. 6. 15), на оборотной стороне - углубленное изображение змеи, обведенной овальной бороздкой. Размеры: 2,0x1,2 см. Пронизи этого типа по комплексам датируются I в. н.э.³⁰ Миниатюрная фаянсовая пронизь светло-зеленого цвета в форме скарабея (1,0x0,7 см) с поперечным каналом отверстия также находит аналогии в комплексах I в. н.э.³¹

Среди стеклянных (30 шт.) и фаянсовых бус (14 шт.), собранных в нижней части заполнения могилы 826, представляют интерес обломки двух пронизей из глухого черного стекла с разводами нитей желтого стекла и слоистыми рельефными бело-синими глазками (рис. 5. III, 1 а-б). Такие экземпляры датируются I в. н.э.³² Небольшая стеклянная бусина округлой формы с сине-белыми глазками также относится к типу, экземпляры которого наиболее характерны для I в. до н.э. - I в. н.э.³³ Бусина округлой формы из глухого голубого стекла украшена орнаментом из белых ромбов (рис. 5. III, 2). Такие бусы датируются I в. н.э.³⁴ Полихромная бусина из синего стекла, разделенная поперечными белыми полосами (рис. 5. III, 7), также находит аналогии в комплексах I в. н.э.³⁵ Многосоставные стеклянные пронизи с металлической прокладкой (рис. 5. III, 13) наиболее характерны для комплексов второй половины I в. н.э.³⁶ Пронизь цилиндрической формы из глухого черного стекла с фестонобразным орнаментом, выполненным белыми нитями, относится к типу, экземпляры которого датируются I - первой половиной

II в. н.э.³⁷

Исходя из стратиграфической ситуации и датировок основных групп инвентаря, можно предположить, что погребения 5-6 могилы 826 были совершены не позже 70-80 гг. н.э., а погребения 3-4 в последней четверти I в. н.э. Сложнее определить хронологический разрыв между погребениями 3-4 и сооружением могилы 826а с погребением 1. Надо полагать, что последняя относится к середине II в. н.э. Близким временем, судя по находке массивного железного наконечника стрелы, можно датировать захоронение 2.

Для публикуемых захоронений использовалась такая конструкция, как подбойная могила. В позднескифских могильниках, за исключением Беляуса³⁸, этот тип погребальных сооружений до рубежа н.э. почти не встречается. В последние годы подбойные могилы первой половины I в. н.э. обнаружены в Кольчугинском могильнике и Усть-Альминском некрополе и связываются с притоком сарматского населения³⁹. Широкое распространение этот тип могил получил со второй половины I в. н.э.

Конструкция подбойных могил Крымской Скифии отличается от сарматских широким применением камня. Для Центрального Крыма характерно использование подбойных могил с двумя камерами, тогда как в Юго-Западном Крыму таких сооружений меньше, лишь в Бельбеке IV они представлены большим количеством.

Исследователи отмечают, что распространение подбойных могил в Северном Причерноморье можно связать с продвижением сарматов с востока на запад⁴⁰. Т.Н. Высотская считает, что в первые века н.э. скифы восприняли у сарматов подбойные могилы, но хоронили в них по своему обряду, поэтому входные ямы засыпаны не землей, а камнями. Подбойные могилы с очень узкой входной ямой могильника Скалистое II она связывает преимущественно с сарматами⁴¹. Отличие позднесарматских подбойных могил заключается также в их чрезвычайно экономной конструкции с очень небольшой нишей, куда покойники буквально втиснуты⁴², что мы и наблюдаем на примере погребения 1 (могила 826а).

Рассмотрим положение костяков, их ориентировку и способ помещения в могилу. В

могиле 826 погребения верхнего яруса были ориентированы на ЮВ, тогда как нижнего - в противоположную сторону - на СЗ. Валетообразное положение костяков, столь характерное для склепов и подбойных могил позднескифских могильников Крыма, встречается в захоронениях прохоровской культуры, кавказских катакомбных погребениях, некрополе Золотое, Акташском могильнике⁴³. В значительной степени с сарматским влиянием связывается обряд помещения покойников в могилу, завернутых в кошму, в деревянном гробу (колоде), а также на подстилке из камки⁴⁴. Северная (с отклонениями) ориентация покойников характерна для захоронений позднесарматской культуры⁴⁵, что подтверждают погребения 1 и 2 (могила 826а).

Этнокультурный синкретизм, проявившийся в погребальном обряде жителей Крымской Скифии, не всегда однозначно позволяет отнести захоронения в подбойных могилах к сарматским. Однако совокупность данных об обряде и инвентаре свидетельствует о доминировании среди погребений в подбойных могилах сарматских традиций.

Одной из особенностей публикуемых могил является их многократное использование для захоронений. Так, в подбойной могиле 826 было совершено не менее 4-х погребений в два яруса. Впервые на такие комплексы обратил внимание Д.С. Раевский⁴⁶. В последние годы количество находок таких могил (различной конструкции) на Неаполе, Битакском, Кольчугинском могильнике, Усть-Альминском некрополе и др. значительно возросло⁴⁷. Этот обряд, во-первых, мог быть связан с соображениями более

эффективного использования площади могильников, во-вторых, отражал стремление сохранить традицию погребения родственников в одной могиле. Фактически происходило слияние погребального ритуала аборигенного населения (поздних скифов) и переселенцев (сарматов), принесших обычай индивидуальных захоронений, что явилось следствием смешанных браков, а также привело к выделению малых семей и выработке новых форм социальной организации. Вряд ли будет правильным определять подбойные могилы с 2-3 костяками как принадлежащие исключительно оседающим на землю сарматам⁴⁸.

К сказанному необходимо добавить, что до середины II в. н.э. продолжают функционировать некоторые склепы, сооруженные в первой половине-середине I в. н.э. (Неаполь, Усть-Альма), причем количество погребенных в них достигает нескольких десятков человек. Во многих захоронениях прослеживаются яркие черты сарматского погребального обряда.

Заслуживает внимания факт, что захоронения в могиле 826а были совершены, когда место могилы 826 уже было забыто. Это, на наш взгляд, отражает процессы появления в составе жителей Усть-Альминского городища нового населения.

Публикуемые комплексы свидетельствуют о сложных этносоциальных процессах, связанных с проникновением в I-II вв. н.э. в состав жителей Усть-Альминского городища носителей среднесарматской и позднесарматской культур.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Журавлев Д.В. О датировке Eastern sigillata из Юго-Западного Крыма // Археологія 1. 2001, с. 99-118; Кротов В.В. Імпортна червонолакова кераміка південномалоазійської групи в Криму // Археологія 1. - 2001, с. 90-95; Пуздровский А.Е. Политическая история Крымской Скифии во II в. до н.э. - III в. н.э. // ВДИ 4. - 2001, с. 100-110; Зубар В.М. Сарматы, населения Таврики і Херсонес у I ст. н.е. // Археологія 2. - 2003, с. 25-40.
2. Зубарь В.М. Этнический состав населения Херсонеса Таврического первых веков нашей эры (по материалам некрополя) // Материалы к этнической истории Крыма (VII в. до н.э. - VII в. н.э.). - Киев, 1987, с. 86, 87.
3. Высотская Т.Н. Усть-Альминское городище и некрополь. - Киев, 1994, с. 108.
4. Там же, с. 108, табл. 28, 45.
5. Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ Г1-12. - М., 1975, с. 78, табл. 17, 11.
6. Коровина А.К. Раскопки некрополя Тирамбы // СГМИИ 8. - М., 1987, с. 59, рис. 38.
7. Гайдукевич В.Ф. Некрополи некоторых боспорских городов // МИА 69. - М., 1959, с. 224, рис. 95, 1.
8. Высотская, Усть-Альминское городище..., с. 106, 107.
9. Там же, с. 114, 115.
10. Труфанов А.А. К вопросу о хронологии браслетов с зооморфными окончаниями (по материалам могильников позднескифского времени) // Поздние скифы Крыма. Труды ГИМ 118. - М., 2001, с. 76, рис. 1, 31, 38.
11. Белов Г.Д. Римские приставные склепы №№ 1013 и 1014 // ХСб. II. - Севастополь, 1927, с. 123, рис. 16.

12. Кунина Н.З. Античное стекло в собрании Эрмитажа. - СПб., 1997, с. 310, кат. 277.
13. Алексеева, Античные бусы..., с. 23, табл. 23: 11-14, 16-21.
14. Там же, с. 70, табл. 33. 41.
15. Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия. - Саратов, 1990, с. 72, рис. 23. 71-74.
16. Хазанов А.М. Очерки военного дела сарматов. - М., 1971, с. 40.
17. Пуздровский А.Е. Погребения Битакского могильника первых веков н.э. с оружием и конской уздой // Поздние скифы Крыма. Труды ГИМ 118. - М., 2001, с. 133, рис. 7. 5.
18. Журавлев Д.В. Краснолаковая керамика Северного Причерноморья римского времени: основные итоги и перспективы изучения // Эллинистическая и римская керамика в Северном Причерноморье. Труды ГИМ 102. - М., 1998, с. 35.
19. Труфанов А.А. Типология краснолаковых тарелок с вертикальным бортиком // БИАС I. - Симферополь, 1997, с. 185-187.
20. Журавлев, Краснолаковая керамика..., с. 35-36, табл. 3. 3.
21. Высотская, Усть-Альминское городище..., с. 76, табл. 33. 17; Пуздровский А.Е. Граффити на краснолаковой посуде Усть-Альминского некрополя в 1993-1995 гг. // БИАС I. - Симферополь, 1997, с. 175, 177, рис. 4. 2.
22. Сымонович Э.А. Население столицы позднескифского царства. - Киев, 1983, с. 52, табл. XXVI, 8.
23. Амброз А.К. Фибулы юга европейской части СССР // САИ Д 1-30. - М., 1966, с. 44, табл. 5. 4.
24. Алексеева, Античные бусы..., с. 50-51, табл. 31. 38; 32. 41.
25. Там же, с. 65, табл. 15. 45.
26. Там же, с. 33, табл. 5. 28.
27. Высотская, Усть-Альминское городище..., с. 88, табл. 31. 33; 39. 13; 43. 34; Loboda I. I., Puzdrovskij A.E., Zajcev J.P. Prunkbestattungen des I Jh. n. Chr. in der Nekropole Ust'-Al'ma auf der Krim // Eurasia antique 8. - Berlin, 2002, abb. 8, 4; 11, 21; 20, 22.
28. Высотская, Усть-Альминское городище..., с. 110, рис. 33.
29. Амброз, Фибулы юга европейской части СССР..., с. 33, табл. 15. 5; Скрипкин, Азиатская Сарматия, рис. 38, 7-8; Высотская, Усть-Альминское городище..., с. 100, табл. 30 же.
30. Алексеева, Античные бусы..., с. 41, табл. 10.18-20.
31. Там же, с. 43, табл. 9. 26-32.
32. Там же, с. 56, табл. 32. 28- 29.
33. Там же, с. 67, табл. 16. 5.
34. Там же, с. 38, табл. 48. 3-4.
35. Там же, с. 43, табл. 27. 90, 91.
36. Там же, с. 33, табл. 29: 51.
35. Там же, с. 49, табл. 30, 26-30.
36. Дашевская О.Д. О подбойных могилах у поздних скифов // Древности Евразии в скифо-сарматское время. - М., 1984, с. 53-60.
37. Пуздровский А.Е., Зайцев Ю.П., Лобода И.И. Охранные раскопки Усть-Альминского могильника // Археологические исследования в Крыму. 1994 г. - Симферополь, 1997, с. 228; Храпунов И.Н., Мяскин В.В., Мульд С.А. Позднескифский могильник у с. Кольчугино // БИАС I. - Симферополь, 1997, с. 124-125.
38. Гущина И.И. Население сарматского времени в долине реки Бельбек в Крыму // АИЮВЕ. - М., 1974, с. 64.
39. Высотская Т.Н. Этнический состав населения Крымской Скифии (по материалам могильников) // Материалы к этнической истории Крыма VII в. до н.э.- VII в. н.э. - Киев, 1987, с. 58.
40. Мошкова М.Г. Позднесарматская культура // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. Археология. СССР. - М., 1989, с. 192.
41. Мошкова М.Г. Памятники прохоровской культуры // САИ Д 1-10. - М., 1963, с. 22; Корпусова В.Н. Некрополь Золотое. - Киев, 1983, с. 24, 92; Бессонова С.С., Бунятян Е.П., Гаврилюк Н.А. Акташский могильник. - Киев, 1988, с. 27-29; Абрамова М.П. Центральный Кавказ в сарматскую эпоху // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. - М., 1989, с. 273;
42. Пуздровский О.С. Сарматы в Неаполі Скіфському // Археология 3. - 1989, с. 36.
43. Мошкова, Позднесарматская культура..., с. 192.
44. Раевский Д.С. Позднескифская семья по археологическим данным // СЭ 2. - 1971, с. 66, прим. 31.
45. Пуздровский А.Е. Новый участок Восточного некрополя Неаполя Скифского // РА 2. - 1992, с. 181-199; Храпунов, Мяскин, Мульд, Позднескифский могильник ... , с. 125, рис. 4-6, 9-11.
46. Зубар, Сарматы..., с. 39, прим. 78.

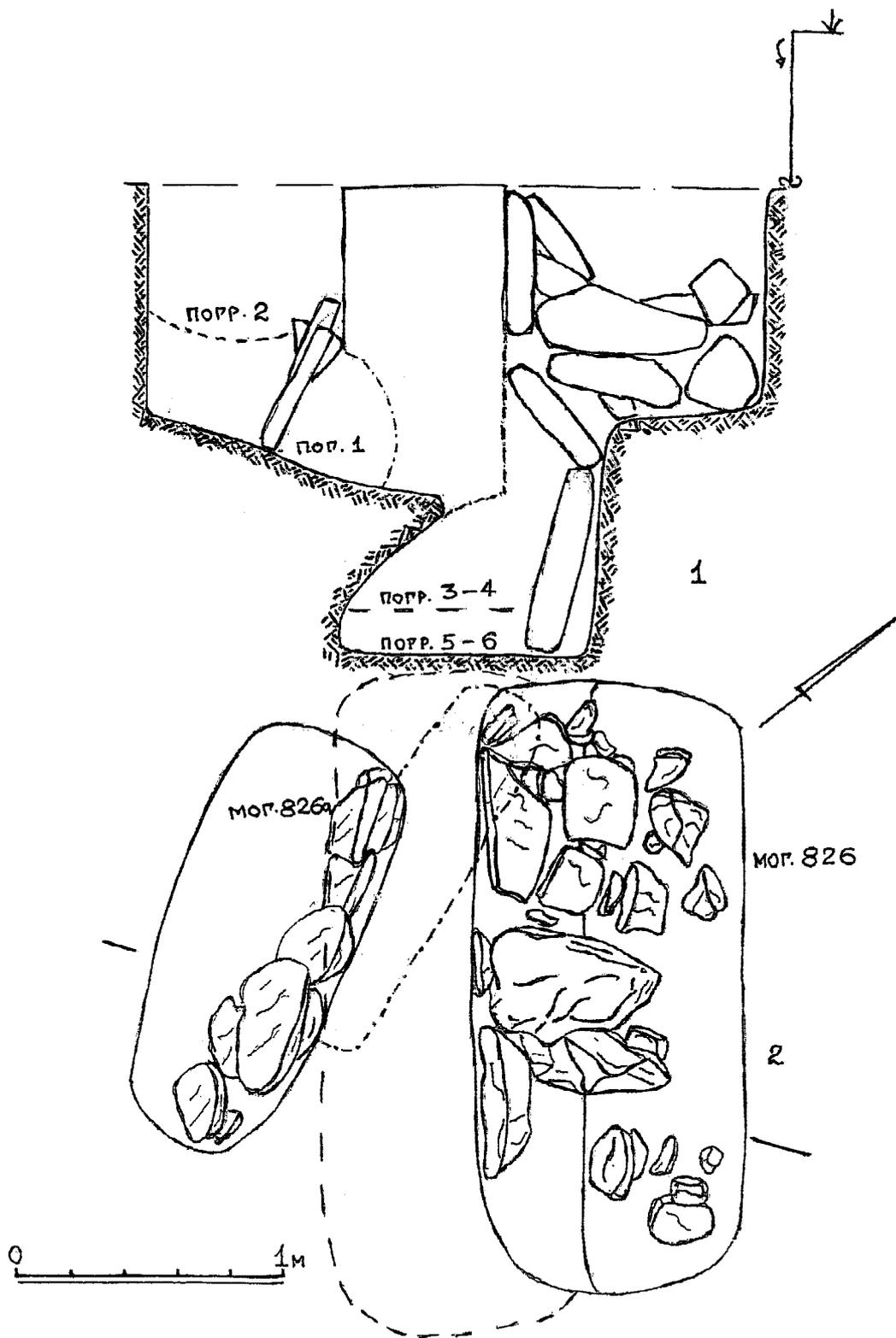

Рис. 1. План могил 826, 826а Усть-Альминского некрополя

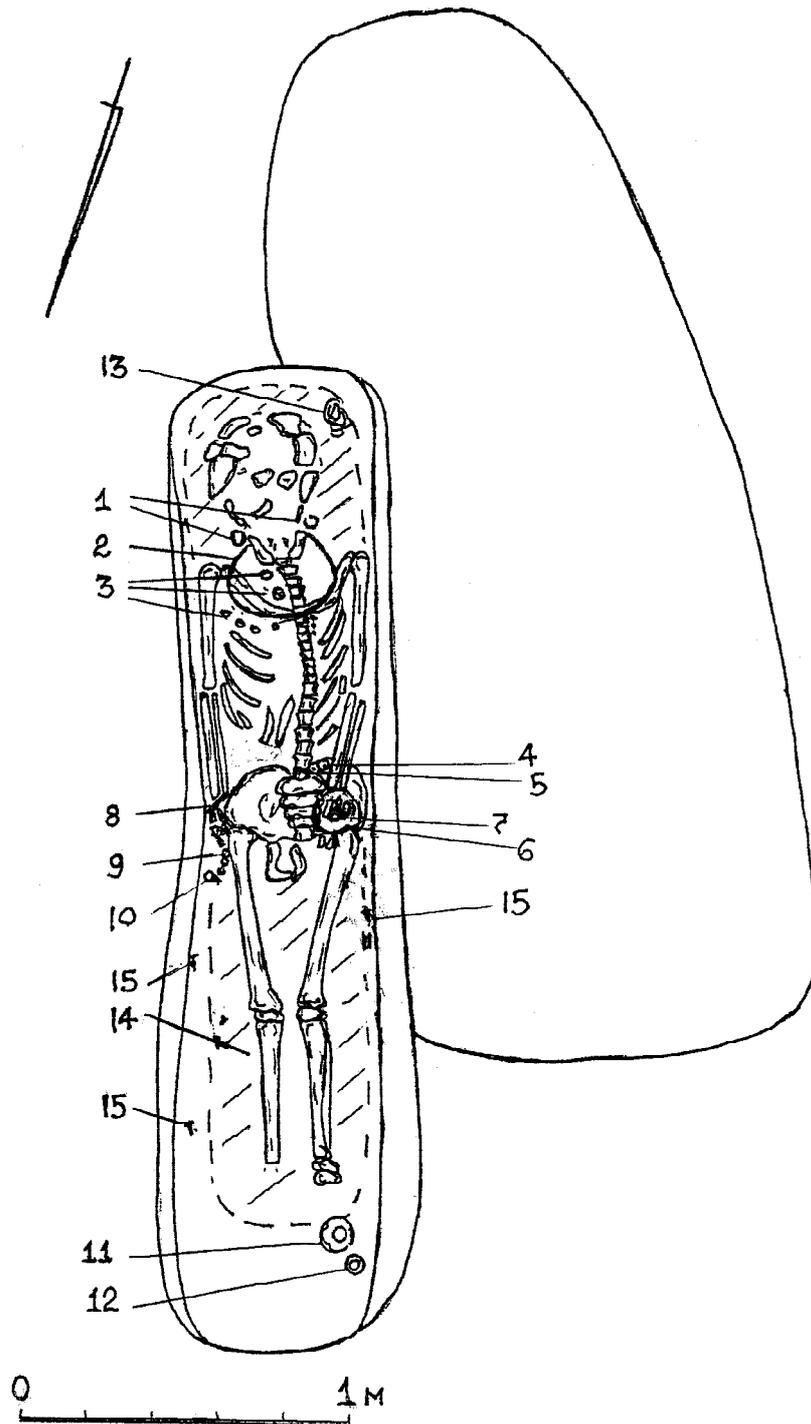

Рис. 2. План погребения № 1 в могиле 826а.

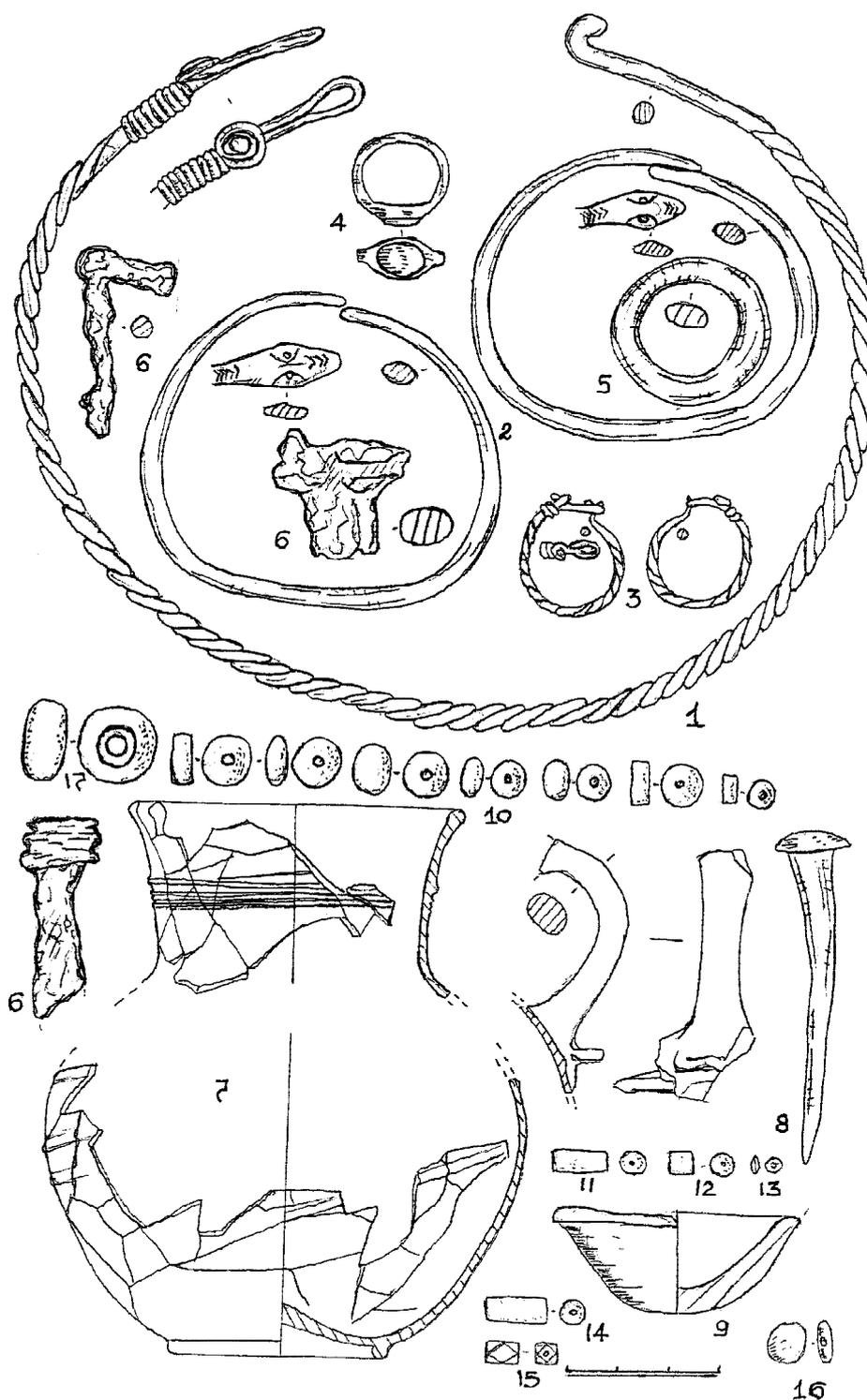

Рис. 3. Погребальный инвентарь из захоронения № 1 в могиле 826а.

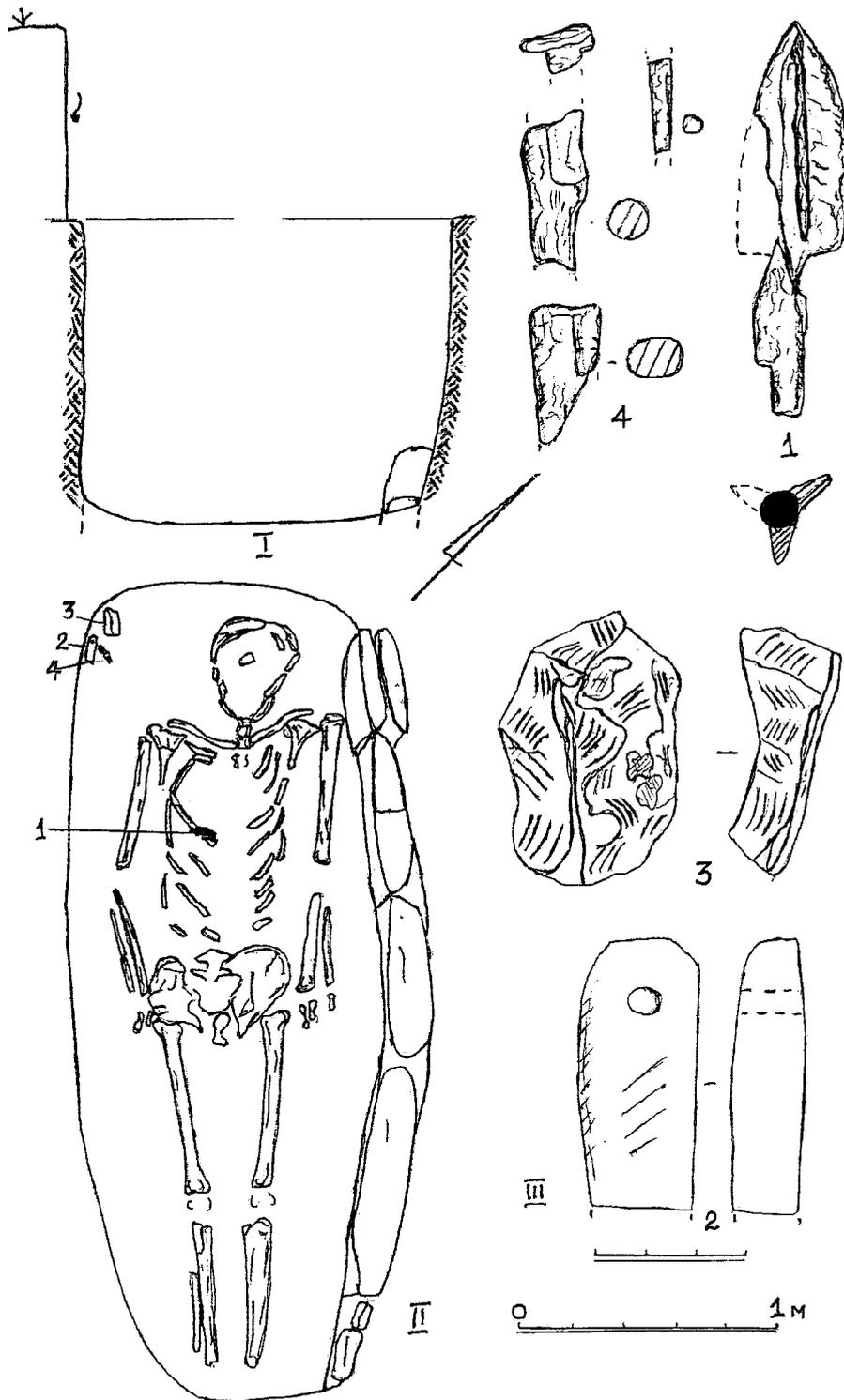

Рис. 4. План погребения № 2 в могиле 826а.

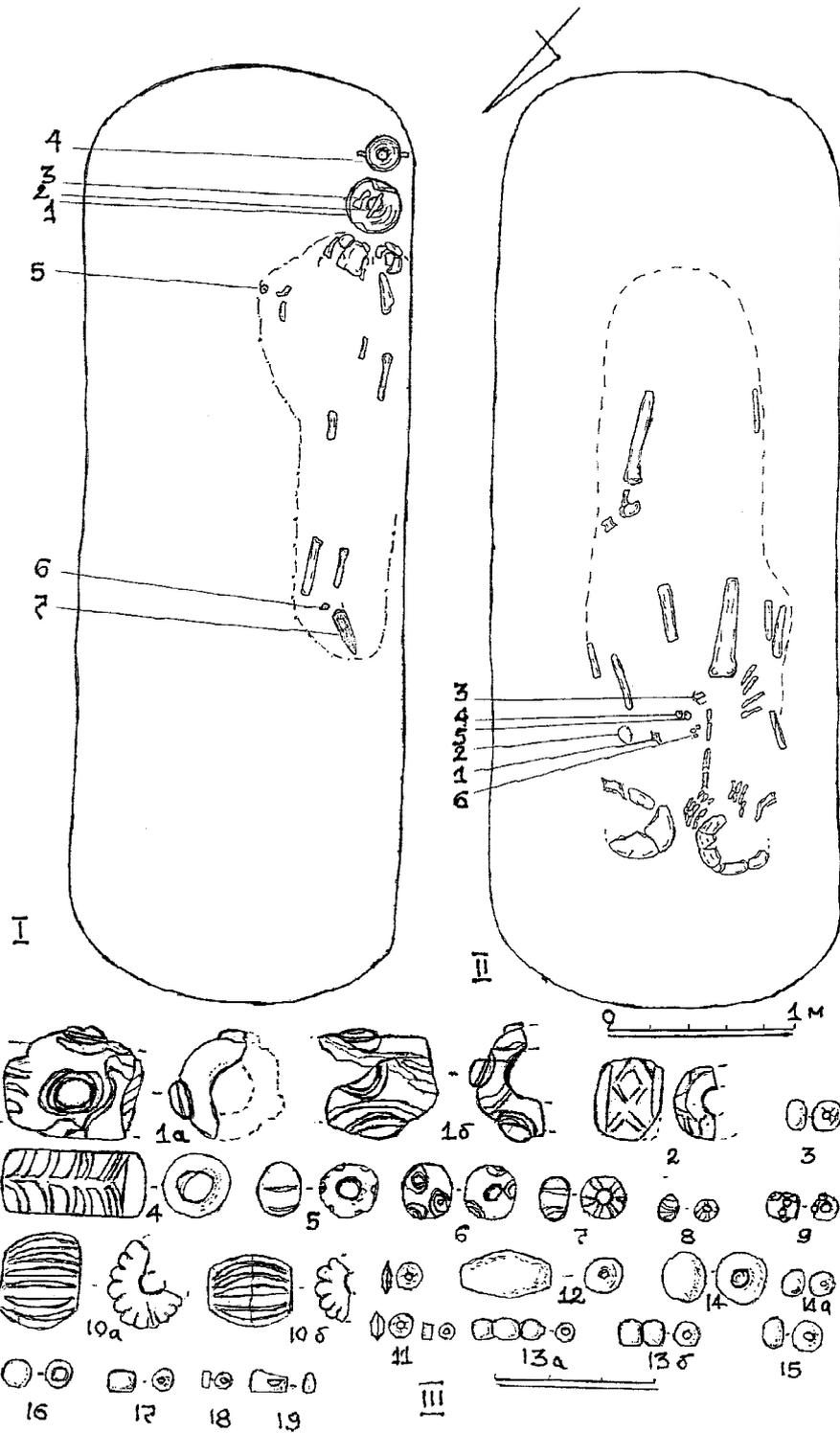

Рис. 5. Погребения 3-6 в могиле 826.

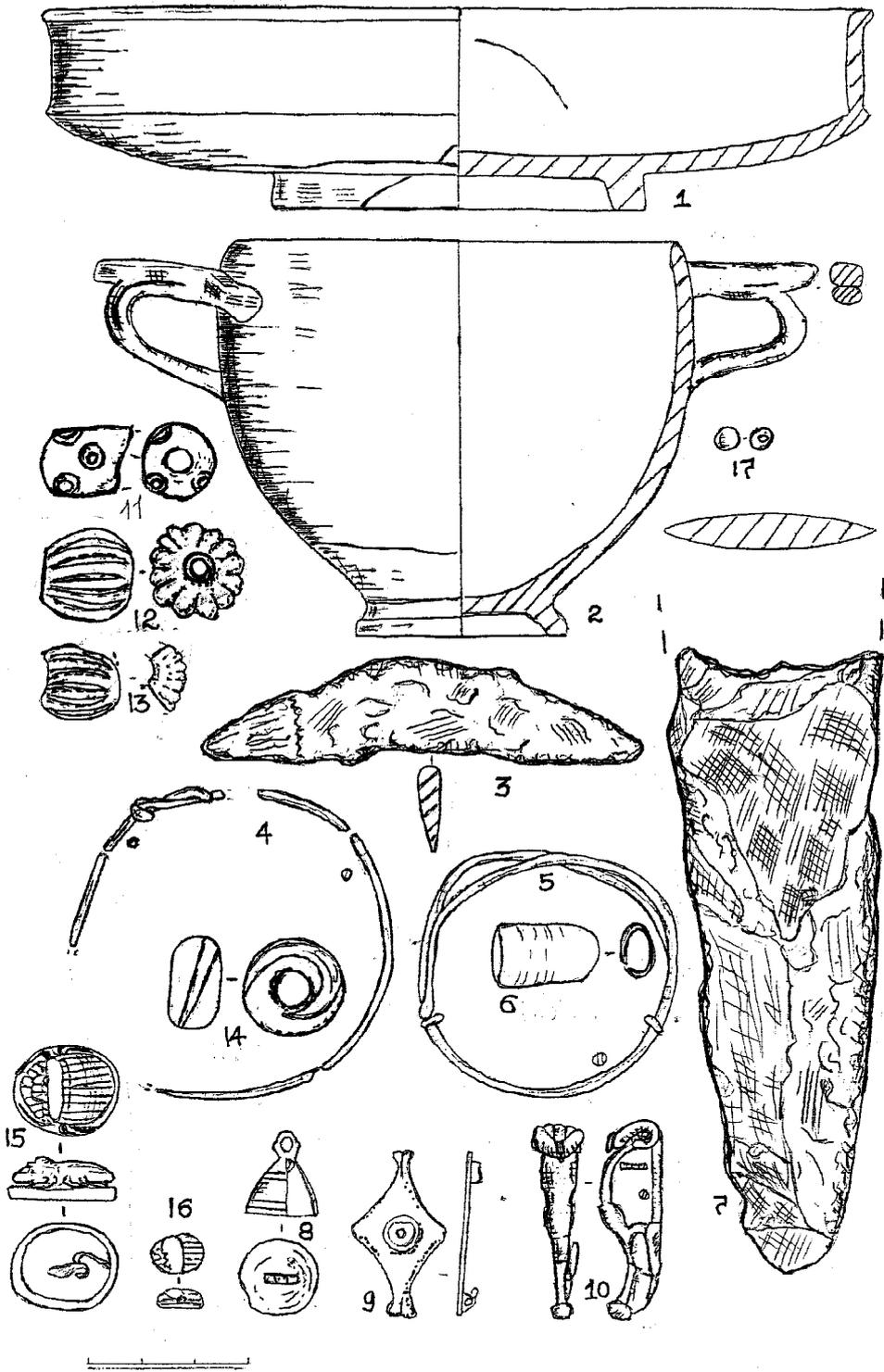

Рис. 6. Погребальный инвентарь захоронений в могиле 826.